

07.00.02 Отечественная история

УДК 93.297

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-3-145-164

А. Г. Хайрутдинов

ГБУ Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСЫ БИГИЕВА И ЕЕ ТУРКЕСТАНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПИСЬМАХ К ЭНВЕРУ-ПАШЕ

ХАЙРУТДИНОВ Айдар Гарифутдинович —

канд. филос. наук, доц.; ст. науч. сотр. Отдела истории религий
и общественной мысли.

ГБУ Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(420014, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, д. 7).

E-mail: khaidar67@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена ранее неизвестным страницам общественно-политической деятельности выдающегося татарского богослова и религиозного мыслителя Мусы Джаруллаха Бигиева (1875–1949). В публикации в научный оборот впервые вводятся сведения о недавно обнаруженном документе, проливающем свет на участие Бигиева в общественных и политических процессах, происходивших в Туркестане в 1917–1923 годах и его контактах с Энвером-пашой.

Ключевые слова: Муса Джаруллах Бигиев, Энвер-паша, Мунаввар Кары, Садриддин Шарифходжаев, Туркестан, басмачество.

Для цитирования: Хайрутдинов А. Г. Общественно-политическая деятельность Мусы Бигиева и ее туркестанская составляющая в письмах к Энверу-паше // Ислам в современном мире. 2021; 3: 145–164;

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-3-145-164

Статья поступила в редакцию: 01.06.2021

Статья принята к публикации: 10.08.2021

Введение

Общественно-политическая активность Мусы Бигиева остается малоисследованной областью. В настоящей статье предпринята попытка сделать краткий обзор этой стороны деятельности ученого на основе уже имеющихся данных. Кроме этого, представлены материалы, позволяющие получить более глубокое представление о его вовлеченности в политические процессы в Туркестане в 1917–1923 гг. Туркестанский вектор общественно-политической деятельности ученого представлен на основе документальных свидетельств, обнаруженных в ходе поисковой работы в архивах и книгохранилищах Турецкой Республики, организованных под эгидой Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Обнаруженные ценные рукописные документы проливают свет на доселе неизвестные факты биографии Мусы Бигиева. Речь идет о собственноручно написанных письмах Бигиева, которые он адресовал Энвер-паше — одному из наиболее ярких лидеров борьбы мусульман Туркестана против большевизма.

Сам факт общения Бигиева с политическим лидером такого масштаба, как Энвер-паша, открывает новые горизонты бигиевистики и создает почву для дальнейшего изучения и осмысления общественно-политической деятельности татарского религиозного мыслителя. Обнаруженные документы могут помочь понять взгляды Бигиева на происходившие в то время эпохальные события, понять мотивы и устремления, которые привели его к участию в них, расширить сведения о круге людей, с которыми ученый общался в те годы, получить представление о практических шагах и действиях Бигиева, которые он предпринимал, будучи участником формирования новой картины мира. И, наконец, свидетельства Бигиева способны стать источником ценной информации об отдельных моментах истории антисоветской борьбы мусульман Туркестана, биографиях ее видных представителей, и истории политики советской власти на Востоке.

Однако прежде чем перейти к вступительной и основной частям статьи, позволим себе, забежав вперед, представить вниманию читателя одну короткую дневниковую заметку Бигиева, которую он сделал в 1927 году, когда политическое устройство Советского Туркестана уже успело приобрести достаточно четкие контуры. В мае указанного года,

почти сразу же после окончания срока трехлетней московской ссылки, о которой будет сказано ниже, Бигиев отправился в хаджж. По пути в Аравию он написал в своем дневнике такие слова: *«Трудное дело красным проникать куда-нибудь. Мы очень много упустили, проиграли, возместить уже поздно»*¹.

На первый взгляд начало фразы выглядит как мимолетное сожаление о провале, который молодая Советская республика претерпела в восточном секторе своей внешней политики. Однако уже из второй фразы становится понятным, что ее автор не дистанцируется от этого поражения, но воспринимает его как личную драму.

Чем были вызваны эти слова Бигиева, в коих чувствуется явное самоосуждение? Ведь он мог со спокойным сердцем списать внешне-политические неудачи государства Советов на некомпетентность ее лидеров, на их предвзятость и ограниченность во взглядах и на прочие недостатки. В связи со сказанным выше возникает еще один вопрос: а на кого еще, помимо себя самого, Бигиев взваливает груз ответственности за непоправимые неудачи, говоря «мы»: на т. н. «красных»? На советскую власть? Может быть, на политических лидеров Туркестана и вождей басмаческого движения? И, вообще, с какой из перечисленных сил отождествлял себя сам Бигиев?

На каждый из поставленных вопросов, конечно же, можно дать тот или иной ответ, исходя из предположений и имеющихся на данный момент времени отрывочных и зачастую непроверенных или же недостоверных данных, накопленных в арсенале отечественной бигиевистики. Надеемся, что информация, представленная в настоящей статье, позволит понять, что на самом деле стоит за приведенной фразой Бигиева.

Муса Бигиев и его политическая деятельность

Изучение жизненного пути Мусы Бигиева и, в частности, оставшихся неизвестными до наших дней документов, имеющих отношение к событиям 1917–1923 гг. в Туркестане, показывает, что он пребывал в эпицентре бурных социально-политических процессов, начавшихся на южных окраинах Российской империи после Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Период 1917–1923 выбран не случайно. Нижняя хронологическая граница нашего исследования относится к 1917 г. В тот год в Российской

¹ Хайрутдинов А. Г. Муса Бигиевның хажнамәсе. Казан: ТФА Ш. Мәржани ис. Тарих институты, 2018. Б. 203.

империи не только произошли две революции (вторая из которых в самом зачатке уничтожила возможность установления демократического правления), но и начался процесс вооруженного установления советской власти, который привел к кровопролитной гражданской войне и интервенции иностранных государств.

Упомянутые трагические события быстро вовлекли в свою орбиту и российский Туркестан. После Февральской революции наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов здесь были созданы общественно-политические организации, представляющие коренное мусульманское население. Наиболее прогрессивная его часть с воодушевлением встретила новую власть, видя в ней гаранта прав и свобод, которые смогут обеспечить получение туркестанской автономии. Однако приход к власти большевиков в Туркестане сразу после Октябрьской революции показал, что у этой идеи есть не только сторонники в лице демократически настроенных мусульманских организаций, но и противники в лице Туркестанского совета народных комиссаров. Противостояние этих сил привело к отказу от создания коалиционного правительства, с одной стороны, и к ответным действиям в виде провозглашения Туркестанской автономии — с другой. Реакцией на создание автономии стал ее вооруженный разгром и дальнейшее преследование ее сторонников. Последовавший за этим кризис власти вызвал, в свою очередь, подъем антибольшевистского вооруженного сопротивления под национальными и религиозно-консервативными знаменами, известного как басмачество, которое было подавлено только в 1930-е гг.¹

Верхняя хронологическая рамка исследования приходится на осень 1923 г. Установление этой границы вызвано тем, что в ноябре указанного года Бигиев был буквально вырван из туркестанского политического процесса по причине ареста и заключения в московскую тюрьму ОГПУ².

В свете сказанного упомянутая фраза, которую Бигиев вписал в свой дневник на русском языке, является важным выводом очевидца трагических событий. Этой фразой ученый подвел черту под целым десятилетием восточной политики большевизма и историей столкновения двух миров: русского империализма в новом большевистском обличье и тюрко-мусульманского традиционализма. Упомянутая фраза отражает огромный личный опыт непосредственного участия ученого не только

¹ См.: *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века». Душанбе: «ИРФОН», 2009. С. 105–115.

² Бигиев был арестован ГПУ НКВД (Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР). Однако решение по его вопросу принималось уже ОГПУ, поскольку постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. ГПУ НКВД было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР (Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР). Поводом для реорганизации и переподчинения службы безопасности стало образование в 1922 году СССР. (См.: [Электронный ресурс] // URL: <https://protivpytok.org/sss/osnovnye-vexi-razvitiya-organov-gosudarstvennoj-bezopasnosti/ogpu>

в туркестанских событиях, но и в целом в общественно-политической деятельности и национально-освободительной борьбе мусульман России и мира.

В действительности общественная деятельность Бигиева и его участие в национально-освободительном движении российских мусульман имеют достаточно долгую историю. Эта деятельность ученого пришлась на последние годы существования Российской империи (1905–1917), годы Гражданской войны (1917–1922) и первые годы существования СССР (1922–1927). Даже находясь в эмиграции, начавшейся в 1930 г., Бигиев не отстранялся от работы в этой области.

Если говорить об общественной деятельности Бигиева в хронологическом порядке, то он влился в ряды активных участников борьбы за национальные и религиозные права мусульман Российской империи буквально сразу после своего возвращения на родину из зарубежья в 1904 году¹. Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. молодой религиозный ученый с самого ее начала выбрал местом своего пребывания столицу империи, чтобы быть в центре происходящих событий.

Огромную роль в становлении Бигиева как общественного деятеля сыграло его знакомство и сотрудничество с основоположником политического движения среди российских мусульман Абдрашитом Ибрагимовым². По мнению турецкого исследователя А. Канлыдере, М. Бигиев перебрался в Санкт-Петербург именно с целью быть поближе к этому, тогда уже известному и уважаемому в среде российских мусульман неординарному религиозному и общественному деятелю. По мнению другого турецкого исследователя, И. Тюркоглу, Ибрагимов являлся самым крупным политическим деятелем всего тюркского мира первой половины XX в. Находясь рядом и сотрудничая с человеком такого масштаба, Бигиев быстро включился в подготовку первых политических съездов российских мусульман и принимал участие в их работе. Так, Первый Всероссийский съезд мусульман состоялся уже в августе 1905 г. Бигиев взял на себя доведение до российских мусульман материалов и документов этого и последующих мусульманских съездов, публикуя их на страницах национальной периодики. Например, в декабре 1905 г. в С.-Петербурге начала выходить основанная и издаваемая А. Ибрагимовым общероссийская татарская газета «Ульфат»³, в которой

¹ *Kanlıdere, Ahmet*. Kadimle Cedit Arasında Musa Carullah. Hayatı/Eserleri/Fikirleri. İstanbul: Dergah Yayınları. 2005. S. 32.

² *Абдрашит Ибрагимов* (1857–1944) — выдающийся религиозный, общественный и политический деятель российского и мирового ислама, религиозный судья-кадий ОМДС (1892–1894 гг.); издатель нескольких татарских газет и журналов, публицист, яркий проповедник, автор многочисленных книг; в эмиграции — влиятельный религиозный деятель Турции, основатель мусульманской общины Японии.

³ «Ульфат» («Дружба») — еженедельная 8-страничная газета, выходившая с 11 декабря 1905 г. по 30 мая 1907 г.

активно печатался Бигиев, выступая со статьями, отражающими ход работы мусульманских съездов, деятельность объединений петербургских мусульман и другие события¹.

В дальнейшем Бигиев опубликовал еще три сборника документов мусульманских конгрессов: *Русия мөселманнары иттифақының програмы* («Программа союза российских мусульман») (СПб., 1906), *Русия мөселманнарының өченче нәдвәсе* («Третий форум российских мусульман») (Казань, 1906), *Русия мөселманнарының өченче нәдвәсенәң забыт җәридаләре* («Протоколы Третьего форума российских мусульман») (Казань, 1906). Итоговым сборником документов мусульманских форумов стал объемный труд Бигиева под названием *Ислахат әсасләре* («Основы реформирования». Пг., 1915. 288 с.).

Из сказанного выше, однако, не следует, что на этом этапе своей жизни Бигиев стремился стать заметным на политической арене и предпринимал попытки занять место среди видных деятелей татарского политического движения. Лично знавший его А. Баттал-Таймас так написал в своей книге о Мусе Бигиеве: «Если не считать обязанности секретаря мусульманских съездов, коими он занимался в первые семь-восемь лет после возвращения в Россию, то он всегда сторонился принятия на себя ответственных общественных обязанностей»².

Подобное поведение можно было бы объяснить скромностью молодого ученого. Однако эта очевидная скромность моментально испарялась, когда дело касалось острейших религиозных проблем. В этой области Бигиев бесстрашно и во весь голос заявлял о своих взглядах и своем понимании самых разных аспектов мусульманской действительности и смело критиковал сложившееся положение дел. В основном эта его деятельность находила отражение в религиозных трудах и публицистике. Показательна в этом отношении уже самая первая изданная в России его книга *Тарих ал-Кур'ан ва ал-масахиф*³ («История Корана и его списков»), в которой он подверг критике традиционную систему мусульманского образования. Вся последующая деятельность Бигиева в качестве религиозного ученого была нацелена на преодоление многовековой стагнации мусульманского социума и переоценку казавшихся незыблемыми вещей. Достаточно вспомнить нашу шумевшую историю с его заявлением о наличии ошибок в казанских изданиях

¹ Всего в 83 номерах газеты «Ульфат» было опубликовано более двух десятков статей за подписью Бигиева. Возможно, их было и больше, т. к. многие материалы печатались без его подписи.

² *Battal-Taymas*. Kазanla Türk Meşhurlarından II. Musa Carullah Bigi: kişiliği, fikir hayatı ve eserleri. İstanbul, 1958. S.14.

³ См.: *Ростофдони, Муса Джаруллах*. Тарих аль-Кур'ан ва аль-масахиф. М.—СПб.: Тип.-Лит. И. Бораганского и К°, 1905. 38 б. Эта работа ученого была переведена на русский язык и издана под эгидой ДУМ РФ. См.: *Бигиев, Муса*. История Корана и его сводов / Муса Бигиев; пер. с араб.; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова М.: ИД «Медина», 2016. 88 с.

Корана, скандальную эпопею, связанную с коротким периодом его преподавательской деятельности в оренбургском медресе «Хусаиния», фетву о необязательности поста для мусульман, проживающих в высоких географических широтах, и др.

Однако вернемся к общественно-политической деятельности ученого. Действительно, на определенном этапе, т. е. до начала революционных событий 1917 г., Бигиева нельзя было назвать выдающимся политическим деятелем российских мусульман. Однако с Февральской революции 1917 г. начинается, на наш взгляд, качественно новый этап в общественно-политической биографии Мусы Бигиева. Демократические перемены дали российским мусульманам надежду на лучшее будущее. Эти настроения нашли отражение в сотнях приветственных телеграмм, которые рядовые мусульмане, мусульманские махалли, организации и духовные лидеры¹ посылали в адрес сформированного Временного правительства. В отношении мусульман же «духовные лица посчитали своим долгом обратиться к своей пастве с призывом соблюдать порядок и всемерно поддерживать новую власть»².

Бигиев также испытывал эмоциональный подъем по поводу наступивших в России перемен. Его отношение к происходящему отражено во вступительном слове к изданной в марте 1917 г. книге *Шәригәт әсаслары* («Основы шариата») — фундаментальном труде по теории мусульманского закона. Воодушевленный политическими событиями и находящий их созвучными идеям, которые он изложил в своем сочинении, ученый писал: «Несомненно, эта великая революция не останется в границах России, но распространится по всему миру; нынешняя политическая революция станет прелюдией к величайшей социальной революции; после повсеместной замены права, сложившегося порядка и закона, конечно же, и исламская методология права не останется в своем нынешнем состоянии; возможно, исламский шариат во всем своем совершенстве, с его досточтимым Кораном и его пророческой Сунной выйдет к цивилизованному человечеству; силой ислама будет реформировано общественное состояние исламского мира и его политический статус; политическая степень и могущество, соответствующее преимуществу ислама среди других религий будут обеспечены во имя достоинства мусульман»³.

Такие же его настроения нашли отражение во вступительном слове, которое Бигиев написал ко второму изданию сборника *Ислахат*

¹ Усманова Д. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917-м — начале 1918 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 436–437.

² Там же. С. 445.

³ Жаруллаһ, Муса. Шәригәт әсасләре. Пг.: Типография М-А. Максүтова, 1917. С. 4 обложки.

эсасларе, увидевшему свет в марте 1917 г. (первый тираж этого сборника, изданного в 1915 г., был уничтожен по распоряжению органов цензуры)¹.

Действительно, падение монархии, победа демократической революции и внутренняя политика Временного правительства давали большие надежды на то, что условия жизни российских мусульман кардинально изменятся. На фоне общенационального подъема активно работали и депутаты мусульманской фракции Государственной думы IV созыва. Буквально в первые же дни после февральского переворота в Петроград стали прибывать политические деятели мусульманских народов из Казани, Крыма, с Кавказа, из Казахстана и Туркестана. Они добивались созыва всероссийского мусульманского съезда² и, засучив рукава, брались за дело. В итоге уже в начале марта в Петрограде группой мусульманских общественных деятелей, связанных прежде всего с мусульманской фракцией Государственной думы, было образовано «Временное центральное бюро российских мусульман» во главе с популярным публицистом Ахмет-беком Цаликовым (1882–1928)³. В число членов этой организации входил и Муса Бигиев. Задачей бюро была подготовка Первого Всероссийского мусульманского съезда, который состоялся в Москве 1–11 мая 1917 г. при участии 900 делегатов⁴.

На примере вовлеченности Бигиева в работу этого форума виден возросший уровень его общественно-политической активности. Он работал в составе президиума форума и был избран секретарем съезда, а также произнес торжественную речь по поводу открытия мероприятия. Кроме того, доклад по женскому вопросу, с которым Бигиев выступил на этом форуме, был положен в основу резолюции, принятой съездом по этой теме. Также кандидатура Бигиева была выдвинута на пост муфтия наряду с такими видными мусульманскими лидерами России, как Галимджан Баруди, Садри Максуди, Хасан-Гата Габяши и Габдулла Нигматуллин (Буби). Нужно также отметить, что для решения поставленных задач в период между мусульманскими форумами съезд выбрал Всероссийский мусульманский совет (ВМС), в который вошли 30 человек, из которых 12 персон, проживавших в Петрограде (и в их числе Муса Бигиев), были выбраны в состав Исполнительного комитета ВМС (ИКОМУС)⁵.

¹ См.: *Жаруллаһ, Муса*. Ислахат эсасларе. Пг., 1917. Титульный лист.

² См.: *Заки Валиди Тоган*. Воспоминания: Кн. I. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1994. С. 170.

³ *Усманова Д.* Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 — начале 1918 г. С. 439.

⁴ *Набиев Р., Хабутдинов А.* Форумы российских мусульман: ответ на вызов времени. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.islamrf.ru/news/culture/history/909/> (дата обращения: 18.05.2020).

⁵ *Тагирджанова А. Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. С. 124.

На 3-м заседании (22 мая 1917 г.) ИКОМУС обсуждалась просьба мусульман Хивы об отправке к ним комиссии, включающей в себя соответствующих специалистов, для проведения там необходимых религиозных реформ. После продолжительного обмена мнениями было принято решение отправить в Хиву Бигиева как компетентного богослова и еще двух специалистов — финансиста-экономиста и государствоведа¹.

Таким образом, с первых дней демократических перемен Бигиев был привлечен к делу государственного строительства в одном из регионов Туркестана, что также важно отметить ввиду представленных в настоящей публикации новых данных о деятельности ученого в Туркестане.

Туркестан в общественно-политической биографии Мусы Бигиева

Туркестанский период в биографии Бигиева не получил должной разработки до настоящего времени. Более тщательное его изучение позволило бы не только пролить свет на ранее неизвестные страницы жизни ученого, но и лучше понять процессы, которые происходили на обширном геополитическом пространстве, где случилось крушение Российской империи и складывалось новое государство — Советский Союз.

Чудом сохранившиеся документы, в том числе письма, официального и частного характера в наследии Бигиева, равно как и массив соответствующих рукописных свидетельств, оставленных другими участниками событий тех далеких лет, дают нам возможность взглянуть на этот большой исторический этап изнутри, глазами очевидцев.

Интерес Бигиева к Туркестану, где ему еще по молодости довелось постигать премудрость исламских наук в медресе Бухары, сохранялся на протяжении всей его жизни. Конечно, внимание ученого к этому региону стало особенно острым после государственного переворота в октябре 1917 г. В стране вспыхнула Гражданская война, началась иностранная интервенция, пришли голод и разруха. Эти события не миновали и Туркестан — в августе 1918 г. регион подвергся военной британской интервенции. Вторжение явилось составной частью общего плана государств Антанты, нацеленного на уничтожение Советской Республики и свержение большевистского правительства.

¹ Протокол 3-го заседания Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета. [Электронный ресурс] // URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/10510> (дата обращения: 20.05.2020).

В этот период Бигиев был занят фактически выживанием. Позже он напишет: «В 1919–1920 гг. мы¹ на протяжении нескольких месяцев вместе путешествовали по просторам России. Я искал такие необходимые вещи, как мука и соль...»²

В конце 1920 г. Бигиев совершил поездку в Бухару, где провел три дня³. Ученый приехал в этот древний город уже после того, как тот был взят штурмом в ходе Бухарской операции частями Красной Армии Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе. Состояние города произвело на ученого удручающее впечатление: великолепные средневековые медресе, мечети, минареты, дворцы были осквернены и разрушены, богатства разграблены.

В очередной раз Бигиев посетил Туркестан весной 1921 г. Во время пребывания в Ташкенте он был арестован местными чекистами. Поводом для ареста, по версии турецкого исследователя М. Гёрмеца, стали контакты Бигиева с представителями турецкой парламентской делегации, совершавшей поездку по России и Туркестану. Гёрмец пишет, что Бигиев пытался передать через одного из членов делегации письмо, адресованное Мустафе Кемалю⁴. Однако, по мнению А. Канлыдере, причина ареста заключалась в другом. Канлыдере ссылается на воспоминания татарского писателя Галимджана Ибрагимова (1887–1938), который свидетельствовал, что Бигиев приехал в Туркестан для участия в национально-освободительной борьбе туркестанцев против советской власти и был арестован при попытке передать послу Великобритании в Кюльдже, что находится в Восточном Туркестане, письмо, адресованное премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу⁵.

На самом деле доставка письма была возложена на других людей, и Бигиев в этом не участвовал⁶. Некоторую ясность в этот вопрос вносят материалы следственного дела, составленные во время ареста Бигиева, случившегося позже — в ноябре 1923 г. Эти документы подтверждают скорее версию М. Гёрмеца, чем Г. Ибрагимова. Так, из текста Заключения за

¹ Муса Бигиев имеет в виду свое совместное путешествие по России с индийским мусульманским политическим деятелем Мавляной Баракатуллахом (Абдулхафиз Мухаммад Баракатуллах, 1854–1927) — известным индийским деятелем национального-освободительного движения. Баракатуллах был выбран премьер-министром первого Временного правительства Индии, созданного в Афганистане в 1915 году. Память о Баракатуллахе увековечена в названии университета Бхопала, который с 1988 г. носит его имя — Barkatullah University.

² *Муса Жаруллаһ*. Коръән кәрим айәт кәримәләренәң нурлары хозурында хатын. Берлин: [Zonna], 1933. Б.14 (на татаро-османском яз.).

³ *Джаруллаһ М. Аль-Ваши'а фи нахд 'ака'ид аш-ши'а*. Лахор: Матба'ат Сухайл аль-Кияни, 1983. С. 3. (на арабск. яз.).

⁴ Görmez M. Musa Carullah Bigief. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 1994. S. 34.

⁵ *Kanlıdere A. Kadimle Cedit Arasında Musa Carullah. Hayatı/Eserleri/Fikirleri*. Ankara: Dergâh Yayınları: 2005. S. 103.

⁶ См.: Sartori P. When a Mufti Turned Islamism into Political Pragmatism: Sadreddin-Khan and the Struggle for an Independent Turkestan // Cahiers d'Asie centrale. 2007. 15/16. [Электронный ресурс] // URL: <https://journals.openedition.org/asiacentrale/61> (дата обращения: 18.05.2020).

подписью начальника 2-го отделения Восточного отдела ОГПУ Т. Дьякова от 16 января 1924 г. следует, что в годы, предшествовавшие его аресту в ноябре 1923 года (т. е. с 1920 года), Бигиев неоднократно встречался с послом Турции Ахмедом Мухтар Беем¹, а также имел встречи с Энвером-пашой и рядом других турецких общественных деятелей². Сам Бигиев, давая показания, не отрицал, что встречался, в частности, с Исмаилом Субхи Суйсаллы — членом комитета Великого национального собрания Турции (ВНСТ) по изучению России. Суйсаллы путешествовал по России в 1920–1921 гг. и в ходе знакомства со страной Советов посетил Ташкент, где нашел возможность пообщаться с Бигиевым. В ходе общения с депутатом турецкого парламента у Бигиева возникла идея написать обращение к ВНСТ, которое он и передал через Субхи, чтобы оно было зачитано перед турецкими законодателями³. Из показаний, которые Бигиев давал в ГПУ, действительно следует, что в конце марта 1921 года он был арестован Ташкентской ЧК и оставался в заключении в течение 50 дней, пока шло следствие, а затем был выпущен, дав обязательство не покидать Ташкент до конца сентября⁴ того же года.

Приведенные выше факты были необходимы в качестве небольшого пояснения к тому документу, который был обнаружен в ходе нашей поисковой работы в хранилищах Турции. Ниже будет представлен обзор письма Мусы Бигиева, которое он адресовал Энверу-паше. По нашему предположению, оно было написано во время пребывания Бигиева в Ташкенте под подпиской о невыезде. Наше предположение строится на том, что 50 дней, прошедших с момента ареста Бигиева в конце марта и до окончания следствия, должны закончиться приблизительно в первой декаде мая.

Письменное обращение Бигиева к Энверу-паше выглядит понятным в свете приведенных выше свидетельств того, что эти два человека были знакомы друг с другом и даже общались. По свидетельству Г. Баруди⁵, их знакомство состоялось летом 1920 г. во время пребывания Энвера-паши в Москве, куда он впервые прибыл 16 августа 1920 года⁶ и где находился до отъезда на знаменитый Первый Съезд народов Востока в Баку⁷, работавший с 1 по 8 сентября 1920 г.

¹ Ахмед Мухтар бей (1870–1934) — турецкий политический и государственный деятель, дипломат, глава МИД Турции (1921 г.), посол в Москве, в 1927–1934 гг. — первый посол Турции в США, депутат ВНСТ.

² ЦА ФСБ РФ. Дело по обвинению Бигеева Муса Джарулла. Р-46032. 1924. Заключение. С. 74.

³ См.: ЦА ФСБ РФ. Протокол допроса от 13 ноября 1923 г. / Дело по обвинению Бигеева Муса Джарулла. Р-46032. 1924. С. 19/б.

⁴ См.: Там же. С. 25/б.

⁵ Баруди Г. Хәтирә дәфтәре: 1920 елның 12 июненнән алып сентябрь ахырына кадәр / Басмага әзерләуче А. Гайнетдинов. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2017. Б.176–177.

⁶ İrfan Ülkü. KGB Arşivlerinde Enver Paşa. İstanbul: Milenyum Yayınları, 2016. S. 41.

⁷ Первый Съезд народов Востока был организован большевиками и Коминтерном. Работой съезда руководил Г. Зиновьев. В нем приняли участие более двух тысяч делегатов из тридцати

Во время пребывания в Москве интересы Энвера-паши и принимавших его представителей советской власти пересекались. Обе стороны пытались наладить сотрудничество. Однако в июне 1921 г., когда Бигиев отправлял письма Энверу-паше с просьбой помочь ему и другим заключенным, последний уже находился в Берлине. К тому времени турецкий политический деятель уже отказался от идеи сотрудничества с большевиками, поэтому даже при желании не мог бы ходатайствовать перед властями за Бигиева. Что касается последнего, то он, вероятно, не владел информацией ни о перемещениях Энвера-паши, ни о его идеологическом дрейфе от идеи сотрудничества с большевиками к решению бороться с ними.

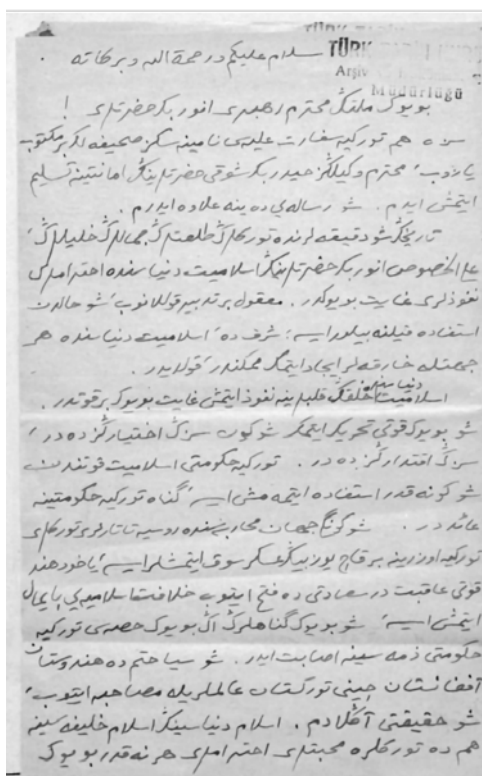
Таков хронологический и содержательный контекст обнаруженного документа.

Вопрос о том, каким образом письмо Бигиева Энверу-паше сохранилось до наших дней, остается открытым. Возможно, что оно все-таки было доставлено адресату. Об этом свидетельствует тот факт, что ценный документ был обнаружен в том же архиве оцифрованных документов, где хранится архив самого Энвера-паши — в архиве Türk Tarih Kurumu.

Возникает вопрос, почему этот документ не попал в поле зрения исследователей? Мы полагаем, тому есть две причины. Во-первых, до последнего времени турецкая историография республиканского периода относилась к фигуре Энвера-паши весьма осторожно, стараясь обойти ее стороной. Дело в том, что Энвер-паша принадлежал к кругу оппонентов Мустафы Кемаля, представляя собой равнозначный ему центр силы, который, при благоприятном стечении обстоятельств, мог стать точкой сборки новой постимперской Турции. Поэтому документы, касающиеся Энвера-паши, по нашему мнению, сознательно не поднимались и не вводились в оборот в течение десятилетий. Однако в наши дни внутривнутриполитическая ситуация в Турции заметно изменилась, благодаря чему фигура Энвера-паши стала предметом серьезных исследований со стороны турецких ученых. По этой теме уже увидели свет более десятка научных и научно-популярных трудов.

Вторая причина кроется в том, что обнаруженное письмо Бигиева Энверу-паше относится к категории анонимных документов. Иначе говоря, при поиске в электронных базах данных по ключевым словам подобные документы попросту не обнаруживаются. При этом исследователь, как правило, не имеет физического допуска непосредственно к материальным носителям, которые можно было бы взять в руки. Таковы особенности хранения документов и допуска к работе с ними в турецких архивах, которые, к слову сказать, за редким и обоснованным исключением полностью оцифрованы.

стран Востока, которые представляли 44 разные национальности и этнические группы. Были рассмотрены два вопроса: 1) борьба с эксплуатацией и капиталом буржуазных стран, 2) вопросы соотношения религии, в частности ислама, и коммунистического движения в странах Востока.

Илл. 1. Первая страница документа

Несмотря на то, что обнаруженный нами документ относится к анонимным с точки зрения электронного поиска, на нем тем не менее имеется подпись автора — Муса Джаруллах. Однако по какой-то причине этот факт не стал поводом для исключения данного письма из числа анонимных единиц хранения, и оно, таким образом, осталось без внимания турецких исследователей творчества Бигиева.

Как бы там ни было, до сих пор об этом документе не было какого-либо упоминания ни в изысканиях, посвященных жизни и деятельности Мусы Бигиева, ни в просмотренных нами работах турецких ученых, посвященных биографии и деятельности Энвера-паши. Так что обнаружение этого ценного документа представляет собой редкую исследовательскую удачу.

В настоящей статье будет рассмотрено содержание обнаруженно-го нами письма за подписью Бигиева¹. Его объем составляет восемь тетрадных страниц (см. ил. 1).

¹ Место хранения документа: Türk Tarih Kurumu Arşivi. EP_6_1_1 MB.

Страницы, начиная со второй, пронумерованы, возможно, самим автором цифрами в арабском начертании. Письмо датировано 09 июня 1921 г. и начинается словами: *«Саламун галәйкум вә рәхмәтуллаһи в әбәрәкәтүһ. Бәек милләтнең мәхтәрәм рәһбәре Әнвәр бәк хәзрәтләре!»* (т. е.: «Мир вам, милость Аллаха и Его благодать. Уважаемый лидер великой нации хазрат Энвер Бек!». В конце текста, как уже говорилось, стоит автограф Бигиева — Муса Джаруллах.

Из первых слов Бигиева становится ясно, что он возлагал на Энвер-пашу большие надежды в деле организации и подъема мусульманского мира на борьбу с империалистическим колониальным угнетением. Ученый отмечает, что Энвер Бек и другие столь же авторитетные турецкие лидеры (в первую очередь Бигиев подразумевал Мустафу Кемаля) имеют в мире ислама огромное уважение и влияние и что, пользуясь этим, они легко могли бы совершить в мире ислама *«паразитические дела»*. При этом Бигиев не только демонстрирует свою убежденность в политическом потенциале ислама, но и показывает причины сохранения в мире ислама плачевной общественно-политической ситуации. Он пишет¹: *«Ислам является колоссальной силой, оказывающей влияние на сердца людей. Приведение этой огромной силы в движение сегодня зависит от Вашей воли и Ваших способностей. И если турецкое правительство до сегодняшнего дня не использовало силу ислама, то грех лежит на самом правительстве Турции. Несмотря на то, что в нынешней мировой войне татары — турки России — послали на Турцию войско в несколько сот тысяч штыков, или мощь Индии в конце концов бросила под ноги исламский халифат, наибольшая доля этих грехов лежит на правительстве Турции»*.

Я осознал эту истину во время... моего путешествия, в ходе общения с учеными Индии, Афганистана и Китайского Туркестана. Сколь бы ни была велика любовь мира ислама к исламскому халифу и к туркам, столь же сильно и велико их порицание турков за проявленную ими беспечность относительно исламского мира. Один великий индийский ученый сказал мне открыто: “Мы напали на Обитель счастья, на центр исламского Халифата, желая отомстить за беспечность, которую турки проявили относительно исламского мира!” И хотя такие слова никогда нельзя признать оправданием за содеянное, тем не менее они являются правдой! Я и сам подтверждаю эти слова индийцев. Их порицание верно. Несмотря на то, что беспечность турков относительно исламского мира не может служить оправданием мерзких и внушающих отвращение поступков исламского мира, и в особенности российских татар и индийцев, вы — нынешнее турецкое правительство — признайте верность критики, примите упреки мусульман, взгляните трезвым взглядом на эту печальную правду и после этого поступайте осознанно и дальновидно».

¹ Цитаты приводятся в переводе с татаро-османского языка.

Другой интересный момент в письме Бигиева заключается в том, что он предлагает свою помощь в деле национального пробуждения мусульманских народов: *«Если пожелает Аллах, то и я смогу стать для Вас и для турецкого правительства компетентным и надежным служителем в деле выполнения этой обязанности. Если, применяя умную политику в Восточных движениях, в общих революционных движениях Вы сможете использовать большую силу ислама и мусульман, то могли бы в самой востребованной форме реализоваться и интересы Советов, и интересы Турции. Если Советы будут действовать на Востоке в одиночестве, ни одна сила не будет успешной. На Востоке невозможно осуществить революцию силами Советов. Если после объединения с Советским правительством Вы, иными словами, Турецкое правительство и турецкие лидеры, будете действовать на Востоке, опираясь на силу ислама, то и интересы Советов, и интересы Востока, и интересы Турции, конечно же, будут обеспечены весьма разумным и очень легким путем. Если Энвер Бек станет лидером, то все мусульмане соберутся под знаменем Энвер Бека. Я тоже смогу быть значимым и компетентным спутником».*

Как видим, в момент написания письма Бигиев был абсолютно убежден в том, что советская власть и революционное правительство Турции в восточном направлении могут и должны действовать сообща, поскольку имеют общие политические интересы, а именно — борьбу с мировым империализмом.

Интересно также и то, что Бигиев порицает действия, которые революционное турецкое правительство, а также туркестанские органы советской власти предпринимали в тот момент. Он утверждает, что подобные действия не только не способствуют распространению влияния Советов и революции на Востоке, но, напротив, вызывают у мусульман лишь ненависть к Советам, превращая жителей Востока в самых больших врагов Москвы. В подтверждение своих слов ученый ссылается на драматические реалии тех дней: *«Совершенно очевидным доказательством этого является движение курбаши в Фергане, а также заключение в тюрьму ста шестидесяти уважаемых персон, которое произошло за последние месяцы в Ташкенте. Крайне деспотическое, совершенно невежественное и глупое поведение Туркестанского правительства привело к боевым действиям, начатым курбаши, а также усилило недовольство всех мусульман Туркестана. Мне известно точно, что действия дамеллы Садриддина-ходжи¹,*

¹ Садриддин-ходжа — речь идет о представителе туркестанских джадидов, педагоге, религиозном ученом и муфтии Садриддин-хане Шарифходжаеве (1878–1921), организаторе националистической организации *Милли иттихад*. По данным П. Сартори, Шарифходжаев и его соратники, в числе которых был Гариф Каримов (брат Фатиха Карими. — А. Х.), Курбанов, Умаров и Ниязбеков, были арестованы в 1921 году политическим сектором ТурЧК как члены контрреволюционной группы, которая 9 марта 1921 года во время незаконного собрания подготовила два контрреволюционных и подстрекательских письма, адресованных представителям Японии и Великобритании, с просьбой об оружии и деньгах от имени Комитета *Милли Иттихад*, чтобы поддержать их в борьбе против советской власти в Туркестане. Заверив вышеупомянутые письма печатью организации *Милли Иттихад*, Каримов и Курбанов по

Мунаввара Кары¹ направлены не против советской власти, а скорее против деспотичных и невежественных действий правительства Туркестана.<...> Знайте, что Садриддин Ходжа, Мунаввар Кары, ферганские курбаши не являются врагами Советов, но являются врагами правительства Туркестана, которое действует глупо и тиранически».

Пользуясь случаем, Бигиев просит Энвера-пашу проявить заступничество по отношению к Мунаввару Кары и его товарищам, оказавшимся в застенках, с целью их освобождения. Для этого Бигиев предлагает паше воспользоваться поддержкой турецкого посольства в Москве. При этом Бигиев подчеркивает, что этот шаг является для Энвера-паши «необходимым», если он намерен возглавить антиимпериалистическую борьбу мусульман Востока.

И только после всего сказанного выше Бигиев обращается в Энверу-паше с личной просьбой: *«Моя первая просьба: будучи заточенным в тюрьму я провел в крайне грязных застенках пятьдесят дней. И несмотря на то, что в результате благодаря своей невиновности я и был освобожден, мне было вменено строгое унижительное нахождение под наблюдением в городе Ташкенте вплоть до начала суда. Я прошу у Вас и у [турецкого. — А. Х.] посольства заступничества относительно защиты моей чести, достоинства и прав. Я имею право и требую: услышав и вняв Вашему призыву, я стал Вашим соратником в восточных делах. Комиссариат по внешним сношениям² предоставил мне гарантию личной безопасности. Я не бизнесмен и не имею заработка. Я человек веры и убеждения; я очень надежный человек, который не предаст ни словами, ни делом. Моя деятельность в Туркестане в течение пяти-шести месяцев, мои перемещения и пребывание здесь принесли ощутимую пользу как турецкому правительству, так и авторитету Советов.*

просьбе Шарифходжаева отправились в городок Аулие-Ата с целью незаконного пересечения границы с Китаем и с намерением передать эти послания представителям Японии и Великобритании. Каримов и Курбанов были задержаны в городе Аулие-Ата сотрудниками ЧК, и вышеупомянутые документы были конфискованы. Шарифходжаев и Зия-Мухамедов нашли убежище в группе басмачей Рахманкула. Услышав об аресте единомышленников, они стали подстрекать басмачей к активным действиям. Шарифходжаев признал себя виновным в ходе следствия. Остальные, несмотря на то, что против них имелись конкретные доказательства, отказались признать себя виновными. 23 декабря 1921 года Верховный революционный суд Центрального исполнительного комитета Туркестанской Советской Республики публично рассмотрел это дело приговорил Шарифходжаева, Каримова и Зия-Мухамедова к расстрелу. Однако на основании амнистии, объявленной Туркциком 7 ноября 1921 года, расстрел С. Шарифходжаева и Г. Каримова был заменен на 5 лет каторжных работ. Источник: *Paolo Sartori, When a Mufti Turned Islamism into Political Pragmatism: Sadreddin-Khan and the Struggle for an Independent Turkestan. Cahiers d'Asie centrale*, 15/16 | 2007. [Электронный ресурс] // URL: <https://journals.openedition.org/asiacentrale/61> (дата обращения: 18.05.2020).

¹ *Мунаввар Кары* (*Мунаввар кори Абдурашидхонов*; 1878–1931) — узбекский просветитель, основатель национально-просветительского движения туркестанских джадидов. С идеями джадидизма познакомился благодаря газете «Тарджуман» И. Гаспринского. Основатель и руководитель организации Шура-и Ислам в Туркестане, выступавшей за создание национально-религиозной автономии Туркестана в составе России. В ноябре 1929 года был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации и антисоветской агитации. 25 апреля 1931 года был приговорен к расстрелу. Реабилитирован (посмертно) 16 января 1989 г.

² Официальное название внешнеполитического ведомства Советской России, а затем РСФСР в 1917–1923 гг. — Народный комиссариат по иностранным делам. — *Примеч. ред.*

Поэтому, имея на то право, я прошу Вас: предпримите решительные меры в деле защиты моей чести, прав и всесторонней безопасности перед лицом невежественной политики правительства Туркестана. Прошу также решительно защитить мои права перед правительством, заседающим в Москве. На мне нет греха, моя служба крайне полезна: поэтому в целях уважительного оправдания меня и реабилитации моего имени распорядитесь, чтобы правительство Туркестана издало строгое распоряжение, или отправьте специального курьера. Этого требует достоинство Священного Корана, достоинство исламского шариата и достоинство Турции.

Я человек Священного Корана, представитель исламского шариата, соратник вождей Турции, я пользуюсь уважением во всех уголках исламского мира. Поэтому прошу Вас непременно защитить это».

Обращает на себя внимание еще одно интересное обстоятельство, связанное с письмом: дело в том, что на момент его написания Бигиев, судя по всему, не знал о том, что политические пути Энвера-паши и Мустафы Кемаля уже разошлись. Это видно из его совета, который он в контексте просьбы о спасении и оправдании Мунаввара Кары и его соратников дает турецким лидерам с целью «усилить и укрепить в исламском мире степень влияния Энвер Бека и Мустафы Кемаля и увеличить уважение к ним». Поскольку Бигиев полагал, что Энвер-паша и Мустафа Кемаль представляют одну и ту же внешнюю силу, он призывал их вместе добиться оправдания и освобождения Мунаввара Кары и его товарищей. Это, по его мнению, привело бы к возрастанию их авторитета и влияния в исламском мире. Вместе с тем он предупреждает, что расправа над узниками, случись она, не сулит ничего хорошего ни Советам, ни ведущим турецким политическим деятелям: «...если персоны, содержащиеся вместе со мной в тюрьме, в этот раз станут жертвами неразумной политики Туркестанского правительства, то от этого советской власти не будет пользы. Кроме того, на Востоке уменьшится, либо вовсе исчезнет уважение к турецким лидерам и их влияние».

Заключение

Рассмотренный выше документ позволяет получить определенное представление о политических взглядах Мусы Бигиева, его отношении к процессам, происходившим в Туркестане в период установления советской власти, а также об отношении к силам, принимавшим в них участие. Кроме этого, подтверждается факт знакомства Мусы Бигиева с видными деятелями повстанческого движения в этом регионе, в частности с Энвером-пашой, Садриддином Шарифходжаевым и Мунавваром Кары.

Что касается вопроса, поставленного в начале статьи, можно с уверенностью ответить, что хотя в 1927 году Бигиев и считал Советское государство

виновным в провале восточной политики, он тем не менее не снимал ответственности за это ни с турецкого правительства, ни с себя самого, ни с других единомышленников, которые могли бы возглавить борьбу мусульман в союзе с Москвой против империализма и колониализма.

В заключение хотелось бы отметить, что туркестанский период в общественно-политической деятельности Мусы Бигиева предоставляет широкое поле для дальнейшего изучения творческого наследия этого выдающегося религиозного мыслителя.

Литература

Абдуллаев К. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: «ИРФОН», 2009. 572 с.

Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010. 576 с.

Тоган З. В. Воспоминания: Кн. I. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1994. 400 с.

Усманова Д. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 — начале 1918 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 434–462.

Хайрутдинов А. Г. Марьям Губайдулловна Нигматуллина: неизвестная представительница династии Буби // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10. Т. 1. С. 114–132.

ЦА ФСБ РФ. Дело по обвинению Бигеева Мусы Джаруллы. Архивно-следственное дело Р-46032. 1924.

Баруди Г. Хәтирә дәфтәре: 1920 елның 12 июненнән алып сентябрь ахырына кадәр / Басмага әзерләүче А. Гайнетдинов. Казан: ТРФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2017. 236 б.

Жаруллаһ М. Шәригать әсасләре. Пг.: Типография М.-А. Максүтова, 1917. С. 74.

Жаруллаһ М. Коръән кәрим айәт кәримәләренән нурлары хозурында хатын. Берлин, 1933. 112 б.

Хәйретдинов А. Г. Муса Бигиевның хажнамәсе. Казан: ТФА Ш. Мәржани ис. Тарих институты, 2018. Б. 203.

Battal-Taymas A. Kazanla Türk Meşhurlarından II. Musa Carullah Bigi: kişiliği, fikir hayatı ve eserleri. İstanbul, 1958. 64 s.

Görmez M. Musa Carullah Bigief. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 1994. 228 s.

Kanlıdere A. Kadimle Cedit Arasında Musa Carullah. Hayatı/Eserleri/Fikirleri. İstanbul: Dergah Yayınları. 2005. S. 32.

Sartori P. When a Mufti Turned Islamism into Political Pragmatism: Sadreddin-Khan and the Struggle for an Independent Turkestan // Cahiers d'Asie centrale. 2007. 15/16. Pp. 118–139.

Ülkü İ. KGB Arşivlerinde Enver Paşa. İstanbul: Milenyum Yayınları, 2016. 176 s.

References

Abdullaev K. (2009). *Ot Xinjiang'a do Horasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigracii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the History of the Central Asian Emigration of the 20th century. Dushanbe: Irfon. 572 p.

Tagirjanova A. (2010). *Kniga o Muse-efendi, ego vremeni i sovremennikah* [On Musa Effendi, His Epoch and Contemporaries]. Kazan. 576 p.

Togan Z. V. (1994). *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 1. Ufa: Kitap. 400 p.

Usmanova D. (2019). Transformaciya islamskih institutov v revolyucionnoj Rossii: Orenburgskoe magometanskoe duhovnoe sobranie i musul'manskoe duhovenstvo Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 — nachale 1918 g. [The Transformation of Islamic Institutions in Revolutionary Russia: the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and the Muslim Clergy of the Volga-Ural Region in 1917 — Early 1918]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossiya i zarubezhom*. 2019. Iss. 1–2. Pp. 434–462.

Khairutdinov A. G. (2020). Maryam Gubajdullova Nigmatullina: neizvestnaya predstavitel'nica dinastii Bubi [Maryam Gubaidullova Nigmatullina: an Unknown Representative of the Bubi Dynasty]. *Iz istoriy i kul'tury narodov Srednego Povol'ya*. 2020. No. 10. Vol. 1. Pp. 114–132.

CA FSB RF (1924). *The Case Against Bigeyev Musa Jarulla*. Archival investigation file R-46032. 1924.

Barudi G. (2017). *Hətiyə dəftəre: 1920 elnyn 12 iyunennən alyp sentyabr ahryna kadə r* [Notebook: June 12, 1920 to the End of September. Kazan: TFA Sh. Marjani isemendəge Tarih Instituty. 236 p.

Jarullah M. (1917). *Shərigat' əsəsləre* [Fundamentals of the Shari'a]. Petrograd: Tipografiya M. A. Maksutova. 74 p.

Jarullah M. (1933). *Kor'an kərim əjət kərimələrenen nurlary hozurynda hatyn* [Woman in Context of the Qur'anic Verses]. Berlin. 112 p.

Khairutdinov A. G. (2018). Musa Bigievnen hajnaməse [Hajname of Musa Bigiev]. Kazan: TFA Marjani isemendəge Tarih Instituty. 203 p.

Battal-Taymas A. (1958). *Kazanla Türk Meşhurlarından H. Musa Carullah Bigi: kişiliği, fikir hayatı ve eserleri*. İstanbul. 64 p.

Görmez M. (1994). *Musa Carullah Bigief*. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları. 228 s.

Kanlıdere A. (2005). *Kadimle Cedit Arasında Musa Carullah. Hayatı/Eserleri/Fikirleri*. İstanbul: Dergah Yayınları. 2005. 278 p.

Sartori P. (2007). When a Mufti Turned Islamism into Political Pragmatism: Sadreddin-Khan and the Struggle for an Independent Turkestan. *Cahiers d'Asie centrale*. Vol. 15/16, 2007, Pp. 118–139.

Ülkü İ. (2016). *KGB Arşivlerinde Enver Paşa*. İstanbul: Milenyum Yayınları. 176 p.

Islam in the Social and Political Life of Countries and Peoples

MUSA BIGEEV'S SOCIAL-POLITICAL ACTIVITY AND HIS CORRESPONDENCE WITH ENVER PAŞA

Abstract. The paper is devoted to the description of Musa Bigeev's social and political activity. The research deals with Musa Bigeev's correspondence (1917–1923) with highly controversial Turkish politician Enver Paşa, which was unstudied earlier.

Keywords: Musa Carullah Bigeev, Enver Paşa, Munavvar Qori, Sadriddin Sharifhocayev, Turkestan.

Aidar G. KHAYRUTDINOV,

senior researcher, Department of History of Religions, Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (7, Baturina str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420014, Russian Federation).

